

**Татьяна
Успенская-Ошанина**

ЖИВУ, ПОКА ЛЮБЛЮ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У77

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — Э. Кунтыш

Успенская-Ошанина, Т.А.

У77 Живу, пока люблю: [повесть] / Успенская-Ошанина Татьяна Львовна. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Все люди — разные).

ISBN 978-5-17-148556-6

Евгений считает, что виноват в гибели любимой. Он живёт воспоминаниями о минувшей любви, и не знает, как пережить потерю дорогого ему человека.

Живу, пока люблю!.. Это вызов, который бросает мужская душа всей нашей скучной, серой, рациональной жизни... Живу, пока люблю!.. Это — молитва, заклинание, девиз, с которым противостоят любой беде. Живу, пока люблю!.. ТАК должен — хотя бы однажды! — сказать КАЖДЫЙ настоящий мужчина, глядя в глаза возлюбленной. И тогда отступит даже Смерть!

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148556-6

© Т.А. Успенская-Ошанина, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Памяти моей любимой ученицы —
Светланы Поповой.

Татьяна Успенская-Ошанина

Памяти близкого друга.

Владимир Рубан

*Два потока — вымысел и правда.
Правда — в «Я». Со слов Владимира Рубана.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

«Дворники» суматошно елозят справа налево, слева направо, но не успевают снять воду со стекла.

Между ним и городом — вода.

Евгений хорошо знает улицу, по которой едет сейчас. В России её звали бы переулком, так она коротка и узка. И про себя он зовёт её переулком. Этот переулок — рукав, а сейчас, во время дождя, — ручей к Центральной улице в большом американском городе. Сегодня почему-то переулок этот тянется бесконечно. Может быть, потому, что стеной вода, и темно.

Ему нужен дом 248 на Центральной улице. Кажется, это направо. Пассажиру, выбравшему его такси, недолго ждать. Ещё метров семьсот и — поворот. Скоро вспыхнет огнями просвет в Центральную улицу, на которой тот живёт и по которой днём и ночью несутся машины.

В такой проливной дождь, когда и собака на улицу носа не высунет, этот вызов — удача. Двойная удача — пассажиру ехать в аэропорт. Там наверняка удастся хоть пару часов поспать, а когда прибудет австралийский рейс, можно будет взять нового пассажира.

Евгений любит этот рукав-ручей. Переулок тихий. Лишь у выхода из него справа — автобусная база с золотистыми воротами. Но бурная жизнь там днём. Когда же Евгений несётся по нему, ни человека, ни машины. Может, потому, что летит он по нему, как правило, ночами.

Обычно редкие фонари знакомцами светят ему своими лицами. А сегодня они почему-то не горят.

Сегодня шторм, как называют это в Америке, а по-русски просто ливень. Напор — много сильнее, чем в его душе.

Евгений любит воду.

После девятого класса пошёл с Илькой и Мишкой в поход. Добрались до моря и не захотели никуда двинуться дальше.

Он мог плыть час без отдыха.

На спину перевернулся не потому, что устал. Что-то заставило.

Небо, вернее, голубой, оранжевый, чуть дрожащий, чуть колеблющийся воздух, вода и он. Он попал в лёгкую вибрацию воздуха, света, воды, и растворился в них, и потерял себя.

Сколько времени длилось это состояние, не знает. И словами определить его не может. Ни на что, испытанное им раньше, не похоже. Разве немного напоминает то, когда он слушал хорошие стихи, музыку или сочинял свои песни. Но и тогда всё равно он ощущал себя — неуклюжее большое тело, пульсацию в горле, в руках...

Сейчас вспыхнет огнями просвет в улицу, на которой живёт его пассажир и по которой и ночью несутся машины. Бессонная улица.

Он тоже, можно сказать, человек бессонный: работает в ночную смену, потому что ночами в его доме царит Вера. Читает русские и английские книги, дымит, прикуривая сигарету от сигареты, пишет письма в Москву, кашляет, шуршит бумагами, шаркает тапками на пути в кухню — вскипятить и заварить чай, на пути из кухни в комнату — с крепким чаем. Ночью в доме гремит музыка — дочка может спать только под громкий рэп.

Перевернутые сутки. Вера спит днём.

Этот режим у них с первого дня брака. Маленькие дети плачут, хотят есть, Вера спит. Он подкладывал к ней детей, когда был не на работе, а позже, когда кончилось у Веры молоко, готовил еду и кормил их. Он подмывал их, менял им пелёнки, а позже умывал и одевал.

Вера его ненавидит. Ему слова: «В гробу я тебя видела!», «Чтоб ты сдох!» Даже если ей что-то

нужно, не попросит, потребует: «Принеси сигарет», «Купи чай», «Дай денег!».

Его ночное такси — гонка за деньгами.

Между ним и миром — вода.

Почему всё ещё не видно огней бессонной улицы? Пассажир зажался.

Евгений выжал газ, и вспыхнул свет. А потом сразу тьма.

2

Жизнь проявилась болью и удушьем. Он не может вздохнуть. Рука автоматически потянулась к карману дверцы достать сигарету, но, чужая, тянется бесконечно долго, он успеет задохнуться.

Сознание ещё не вернулось полностью, но ощущение, что он умирает, возникло. Мягко колыхались в голове вместе со студенистой массой света и тьмы слова: «Последнее желание... удовлетворить».

Бесконечно, сквозь боль и удушье, тянется рука. Наконец сигарета медленно плывёт обратно.

Он запелёнут железом своей машины, он попал в тиски, и тиски всё сильнее сжимают грудь. Красные мухи голодной стаей мельтешат перед глазами.

Инстинктивным движением — последнее желание удовлетворить — сунул сигарету в рот. Те-

перь таким же долгим путём подвести зажигалку к сигарете.

И всё. Жрите, мухи, падаль.

«Жирные»... слово повторяется вместе со словами «последнее желание» в зыбком месиве света и тьмы.

Мухи — жирные...

Они пляшут всё быстрее, в неистовом танце алчности, в суете подготовки приступа — вот сейчас ринутся рвать падаль, уже раздутые чьей-то кровью, а всё жадные.

Тьма — свет. Колышутся в боли и в безвоздушие.

Горячий дым острым клинком врывается в боль, пробивает её — для воздуха, поток которого беспрепятственно попадает наконец в сжатые, съёженные, уже почти застывшие лёгкие.

Евгений начинает дышать, но, сразу опьянев, снова теряет сознание.

Куда делись мухи? Красные, чёрные, жирные мухи?

Он не падаль? Он жив?

Его бьют по щекам, легко, мягко. Так ласково он пошлёпывал по розовой попке свою дочку, и она поднимала голову. С трудом удерживала её, смеялась.

— Очнись, давай-ка, очнись! Ты в госпитале, тебе сделали операцию. Проснись. Тебе нужно оч-

нуться, а потом спать. — Голос женский, мягкий, Евгений давно не слышал такого доброго женского голоса.

Злые фразы «Чтоб ты сдох!», «В гробу тебя видела!» — сейчас затаптываются словами:

— Пожалуйста, мой хороший, моё дитя, очнись!

Не слова — картинки: ребёнок в руках матери! Он — в руках матери.

Мать вернулась в жизнь?

Под голос матери он всегда выходил из забытья наркоза.

Полиомиелит держал его в постели всё детство — до семи лет. Год проскакал на костылях. А потом операции одна за другой: ему вытягивали ногу, вбивали в неё гвозди, вешали на неё грузы. Боль жила в нём органом, как печень. Кружила голову. И лишь голос матери, слова матери: «Пожалуйста, мой хороший, дитя моё, очнись!» — могли хоть немного утишить эту боль и вывести его из забытья снова жить.

Только почему мать говорит по-английски? И почему боль не в ноге, а в груди?

Поток добрых, так давно не звучавших для него слов, простреливает его, обволакивает всё внутри, тушит боль:

— Ты что стонешь, моё дитя? Сейчас дам тебе обезболивающее. Проснись! Поговори со мной! Надо проснуться!

Не детство. Не мать.

Евгений видит тёмные глаза в сиянии тёмной кожи.

— Слава богу, очнулся! А я уж испугалась, что не добужусь. Милости прошу в жизнь! — И почти без перехода: — Фонари не горели. Ворота базы не закрыли. Фургон без водителя съехал на дорогу, перегородил её, из-за шторма ты не заметил. Хорошо, добрые люди увидели твою машину и фургон, вызвали полицию и «скорую помощь».

Переулок, оказывается, обитаем.

— Я твой лечащий врач, меня зовут Тамиша. Сейчас подошла сестра, она поможет тебе, а я зайду позже.

— Не уходи, — просит Евгений. Язык не слушается, слова сваливаются в ватный ком. — Мой клиент. Позвони. Не уходи, говори.

Лицо её разбегается к вискам в улыбке. Женщина гладит его по щеке, и почему-то у неё из глаз выкатывается по слезе. Она смахивает их, говорит:

— О своём пассажире не волнуйся, к нему послана другая машина, номер фургона записан. Сейчас ещё длится ночь. Разбираться будут завтра. Тебе нужно спать. Я вернусь к тебе через пару часов, когда ты проснёшься.

«Я жив». Эти слова и тёмное светлое лицо покачиваются перед ним, расплываются в поблёскивающие волны моря. Эти волны и волны тёплого

воздуха баюкают его, он спит, спит глубоко, как спит маленький ребёнок, у которого нет никаких обязательств, беспечно, беззаботно, бездумно, и благодарность к женщине, к её рукам, к её голосу, к её словам — единственное ощущение сна.

Потом пробуждение.

Снова она у его постели. Снова она гладит его по щеке.

Сколько ей лет? Сорок? Пятьдесят? Она его ровесница?

Лицо её всё время меняется: из улыбки в слёзы, из радости в жалость к нему, без перехода. И она говорит с ним:

— Был полицейский, составил акт, он вернётся через пару часов. Сказал, чтобы ты вызвал своего адвоката. Я дала моё заключение. Я приду к тебе завтра. Моя смена закончилась. Ты не хочешь известить жену?

— Нет! — воскликнул Евгений раньше, чем она договорила. «Жену». — Ни в коем случае. Я не хочу. У меня нет жены. Нельзя её звать. — Он устал от своего монолога и закрыл глаза.

— Не хочешь, и не надо. Твои вещи в шкафу, документы в тумбочке. Всё, что было в машине, здесь, не волнуйся. Хозяин занимается машиной. А ты спи, тебе нужно восстановиться.

И он послушно закрывает глаза.

Питание и обезболивание идут через руку, кислород поступает через нос.

А об Олеге, хозяине машины, соотечественнике и кровопийце, он забудет. Забудет о неисправной машине, под которой больше лежал, чем ездил, забудет о своём бесправии в Америке — ни статуса, ни страховки, ни праздников...

3

Он плыл всё дальше от берега. Солнце только вставало. И он плыл к солнцу по солнечной дорожке. Разлетались по воздуху и воде лучи, слепили.

Ещё не было Веры в его жизни. Была Елена.

Она была рядом с ним с его восьмого класса. На вечерах, на переменах, торчала у них в классе, учила желающих играть на гитаре.

Они — почти ровесники, Елена на полгода старше. Но учился он на класс ниже.

Их классная руководительница раньше была классной у Елены, а в том году взяла их класс. Елена приходила к ней, а значит, и к ним. Она прижилась в их классе, как приживается замёрзшая птица в тепле приютившего её дома.

Евгений садился рядом с ней, из её рук брал гитару и старался в точности повторить её движения. Он ловил её голос, мелодию, запах незнакомых цветов и пел ей в тон: «Две холодных звезды голубых...»

У Елены глаза — золотистые. И ничего больше он не знает о её внешности. Звёзды вместо глаз и хрупкость.

Он плывёт к солнцу.

Это он врёт. Она вовсе не хрупкая. Она может идти сколько угодно часов. По городу. По лесу. По сквозному полю. В первый год учительница повела их в поход. И Елена пошла с ними. Все парни их класса под рюкзаками и ветром согнулись в три погибели, затянулись шнурками курток, а она словно под солнцем, словно без ветра, камышинка, даже не поёжится. Идёт впереди всех и во всю глотку читает стихи.

Стихи живут в ней воздухом.

Вторая школа переломила его жизнь. По словам Елены, переломила и её жизнь.

Дискуссионный клуб, факультативы по зарубежной поэзии и литературе, на уроках — поэзия Гумилёва, Мандельштама, Цветаевой... ещё мало известных массовому читателю (в те годы всё это довольно большая смелость!). На уроках — романы Достоевского, тоже только что пришедшие к советскому читателю.

Петрович, директор, с ними играет в футбол, к нему можно зайти просто поговорить. Однажды мячом Евгений засветил Петровичу в глаз, очки

разбил. Бог миловал — глаз остался цел, а Петрович не рассердился.

На лекции Анатолия Якобсона, на вечера поэзии и вечера-диспуты между литераторами в актёрский зал сбегалась вся школа, разве что не на плечах друг у друга сидели...

В школе можно было быть самим собой. Хочешь, воспаряй до Олимпа и высказывайся до доньшка, хочешь — из самых серьёзных вещей делай комедию, играй словами, смей людей. Тебя не осудят, не обругают, примут таким, какой ты есть. Задача школы — вытащить на свет твою индивидуальность!

Самый главный период в жизни — Вторая школа, остров радости. И для Елены, и для него.

Годы пробуждения и жадного познания на уроках.

Годы бардовской песни.

В школе выступают Окуджава и Городницкий.

Поют в школе все, у кого есть слух и голос, и даже без слуха и голоса поют. Песни просквозили школу, звучат и в классах на переменах, и в подвале во время нелюбимых уроков, и в кабинете директора.

Все новые плёнки Высоцкого, Кима, Окуджавы, Галича — доставали.

И он сочинял свои песни как сумасшедший. Ночь — песня.

Елена, друзья, небо и солнце, смысл бытия, добро и зло... — всё подпадало под рифмы и музыку.

Годы самиздата. В основном, Ильяка приносил в класс антисоветчину.